

**ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ БУДУЩЕЕ РОССИИ:
ДЕПОПУЛЯЦИЯ НАВСЕГДА?**

АНТОНОВ Анатолий Иванович - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и демографии семьи социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Россия, наряду с Испанией и Италией, возглавляет ныне список индустриально развитых стран со сверхнизкой рождаемостью, т.е. с таким ее уровнем, который намного ниже порога простого воспроизводства населения (2,1 ребенка в среднем на одну женщину за всю жизнь). У нас этот индекс в 1997 г. составил 1,23 ребенка (для сравнения: в Англии и Франции - 1,7; Швеции - 1,6; Германии - 1,3; Италии - 1,24; Испании - 1,15; в США и Канаде, изначально ориентированных на иммиграцию, - соответственно 2,0 и 1,6)¹.

Для развитых стран сверхнизкая рождаемость является хронической, и ее продолжась сокращение в связи с дальнейшим развалом института семьи скорее говорит о "демографическом крахе", нежели "демографической зрелости" западного мира. В преддверии XXI века можно со всей определенностью сказать, что призрак депопуляции бродит не только по Европе - это планетарный, глобальный феномен. К 2000 г. население Земли, по-видимому, достигнет 6 млрд. - величины значительно меньшей, чем это мерещилось в 50-е годы мальтузианцам всех мастей. Причем, прирост на 96% будет определяться развивающимися странами, в которых происходит удивляющее многих европейских демографов ускорение темпов падения рождаемости. По признанию французского ученого Маргарит Буше, "демографы задают себе вопрос, будут ли достигнуты оценки хотя бы нижнего варианта прогноза (ООН 1996 г. - А.А.) на 2025 г. (7,49 млрд. человек. - А.А.), тогда как еще недавно казалось, что будет превзойден средний вариант (8,03 млрд. - А.А.)"². Но эксперты ООН, многие годы непрерывно пересматривающие свои прогнозы на 2025 год в сторону уменьшения, обречены и далее завышать уровни рождаемости не только в развивающихся, но и в развитых странах - в связи с упорной приверженностью изжившим себя стереотипам концепции "планирования семьи". Некоторые ученые и сами признают отсутствие "убедительной" постпереходной теории демографических процессов.

Так, известный канадский демограф А. Романюк (см. его статью в данном номере) справедливо отвергает концепцию "второго" демографического перехода, возможно, потому, что причины непрерывного сокращения сверхнизкой рождаемости нельзя объяснить в рамках "переходной" идеологии. Ведь она заранее предполагает "благополучный" переход от чего-то одного к чему-то другому, когда завершающее состояние как бы оказывается конечной целью этого перехода. Отсюда, независимо от наблюдаемых демографических тенденций, подспудно ожидается стабильный баланс рождаемости и смертности, но не на высоком, а на низком уровне.

Подобный взгляд исходит из того, что снижение рождаемости рано или поздно останавливается на какой-то предельной отметке, соответствующей минимально приемлемому уровню смертности. Поэтому все научные данные о продолжающемся падении рождаемости и негативных последствиях этого начинают интерпретироваться в контексте "временных", "конъюнктурных" колебаний вокруг "желанно-низкого"

Статья подготовлена при поддержке Российского Государственного Научного Фонда (проект 96-03-04311 "Репродуктивное поведение семей в условиях социально-экономического кризиса в России).

уровня, на достижение которого и был как бы направлен "демографический переход". Точка зрения А. Романюка привлекательна - переход от равновесия высокой рождаемости и смертности к их дисбалансу является прерыванием эволюции, стабильного хода развития. Дезорганизация, дезинтеграция, энтропия, а не гомеостаз, равновесие становятся основополагающей характеристикой демографических изменений. В этих условиях резко усиливается значимость теорий, объясняющих непрерывность снижения рождаемости. При этом возрастает роль социологического объяснения, особенно в связи с прогнозированием будущих тенденций рождаемости, определяемых динамикой репродуктивного поведения семей, репродуктивными установками и ориентациями населения, динамикой потребности семьи в детях.

Попробуем с этой точки зрения взглянуть на демографические прогнозы, касающиеся России, - в какой мере стереотипные ожидания специалистов о прекращении спада рождаемости в связи с "завершением" демографического перехода диктуют оценку будущих демографических изменений? При разработке прогнозов численности населения часто желаемое выдается за действительное. Например, рождаемость "должна" стабилизироваться, согласно вульгарной "социологической теории" о влиянии роста уровня жизни на рождаемость демографов А.Г. Волкова и Л.Е. Дарского. Они заявляют, что "при достижении уровня 1,7-2,0 рождений на один брак снижение прекращается и наступает период стабилизации..."³.

При постоянном ожидании демографами "стабилизации" рождаемости вольно или невольно завышаются прогнозные оценки численности населения России. Так, Госкомстат России в прогнозе 1993 г. предполагает увеличение населения до 150 млн. в 2000 г. и 150,2 млн. человек - в 2005 г. и лишь незначительное уменьшение до 148,9 млн. в 2015 году. В зависимости от притока мигрантов в страну Центр демографии и экологии человека (ЦДЭЧ) дает близкие этому оценки на 2015 г. - 139,9 - 150,1 млн. Еще более "оптимистические" оценки были сделаны в 1994 г. специалистами Бюро ценов США: 151,5, 155,9 и 159,3 млн. человек соответственно в 2000, 2005 и 2015 гг. На этом фоне выделяются более осторожные оценки экспертов ООН, сделанные в 1994 г., - соответственно 145,5, 144,2 и 142,0 млн. чел.⁴. Эти данные были уточнены в 1996 г. с учетом демографических тенденций 1994-1996 гг. По среднему варианту прогноза предполагается 146,2 млн. человек - в 2000 г.; 143,6 - в 2005 г.; 138,1 млн. - в 2015 г. и 131,4 млн. - в 2025 г. Прогнозируется убыль населения на 20 млн. человек за счет сверхнизкого уровня рождаемости либо некоторого повышения его, но отстающего от уровня снижения смертности или же повышения средней продолжительности жизни (после 2005 года принимается нулевая миграция)⁵.

Интересно, что в этом прогнозе предусмотрен рост суммарного коэффициента рождаемости в 1995-2000 гг. до 1,35, сохранение данного уровня до 2005 г. и постепенный рост этого индекса в 2015 г. до 1,49 и в 2025 г. - до 1,63. В минимальном прогнозе численности населения России заложена неизменность суммарного коэффициента рождаемости с 1995 г. по 2025 г. на отметке 1,27⁶.

Эти прогнозные оценки, однако, не соответствуют динамике репродуктивных ориентаций населения в 1960-1990 гг., и, скорее всего, основаны на стереотипном предположении о позитивном влиянии улучшающихся условий жизни на потребность семьи в детях и социальные нормы рождаемости. Подобные допущения требуют серьезной аргументации и наличия социологической базы данных, т.е. того, что обычно отсутствует в публикациях. Процедура конструирования демографических прогнозов, игнорирующих данные о динамике репродуктивных установок и норм, оказывается не просто необоснованной, но и самообосновывающейся. Как неоднократно уже отмечалось социологами феноменологической ориентации, "объяснение демографических данных с точки зрения рационализации представляет собой, по существу, приписывание значений, свойственных наблюдателю"⁷.

Сходным образом высказывался еще в 1970 г. Д. Хауторн о приписывании демографами изучаемым феноменам тех значений, которые "очевидны", исходя из их личного опыта семейной жизни⁸. Имеется в виду легкость проникновения в "высокие

теории" представлений здравого смысла, обиходных интерпретаций и житейских стереотипов. Чем "очевиднее" бытовое объяснение, тем быстрее оно возводится в ранг концептуального, и тем меньше вероятность, что оно подвергнется сомнению. Таким образом, объект исследования конструируется в ходе анализа посредством латентных представлений, определяющих сами способы восприятия или воссоздания

- социальной реальности, будь то число рождений или установки детности.

Дьявольский капкан "семейно-демографического сюрреализма" захлопывается, когда "сознательно" действующий демограф-экономист или статистик порождает "круг самообоснования", отказываясь от социологического объяснения снижения рождаемости и потребности семьи в детях, отвергая социологическое измерение репродуктивных установок, норм и ценностей. Постоянное уменьшение среднего числа рождений и всех показателей ориентаций на число детей в семье за последние 30 лет в России и Европе благодаря процедуре самообоснования не принимается во внимание. В прогнозах динамики установок детности на предстоящие 30 лет произвольно закладывается неизменность этих установок или даже их постепенное увеличение. Вопреки социологическим измерениям, свидетельствующим о более низких репродуктивных ориентациях новых поколений и о продолжающемся снижении их у старшеклассников, подростков и детей (а это реальный прогноз будущей рождаемости молодоженов!⁹), апологеты "прогрессивного развития" семьи без какой-либо аргументации предусматривают рост установок на число детей и, соответственно, рождаемости.

Массовое распространение однодетной семьи, спад регистрируемой брачности и рост сожительства, непрерывный подъем разводимости, депривация родителей и детей, расширение неполноты семьи и псевдосупружество пар - все эти процессы продолжают пониматься большинством демографов в духе "прогрессивной рационализации" социальной структуры, якобы предлагающей семье ряд новых возможностей "рационального выбора". Следовательно, демографическим процессам приписываются и предписываются тенденции, соответствующие личным ожиданиям. Именно поэтому социологи феноменологической ориентации предлагают сделать самостоятельной проблемой исследования здравый смысл демографов, "сознательно" конструирующих демографическую картину сегодняшнего и завтрашнего мира под себя, под свой семейный образ жизни.

Теория перехода от "традиционной" семьи к "современной" включает в себя ряд обиходных истин, и прежде всего тезис о "прямой связи" между уровнем жизни и числом детей (устранение "помех" к рождаемости повышает детность благодаря более полному удовлетворению потребности семьи в детях, которая якобы всегда очерчивается уровнем, необходимым для простого воспроизводства населения). Концепция "прогрессивного развития" семьи хорошо вписывается в теорию модернизации, теорию успешного социально-экономического развития, где все негативные явления относятся к "временным" отступлениям от генеральной линии или к "отставанию" от хода событий.

Поэтому при описании семейно-демографических изменений теория перехода обнаруживает свое "прогрессистское" происхождение, тогда как в качестве основы демографической и семейной политики эта теория вынуждена пойти на ухищрения. Неизбежность перехода к благополучному завершению оставляет для политики лишь второстепенную цель расчистки пути и ускорения, подталкивания процессов истории. Рассуждения о самоорганизации социума, о способности общества к самопреобразованию фактически повторяют "прогрессистскую" перспективу "развития" семейных и демографических структур.

Это хорошо показано в статье А. Романюка при критическом анализе "перспективы саморегуляции", когда постулируется "невидимая рука" природы, которая через созидательные силы рынка берет на себя продвижение к социальному и экономическому равновесию частных интересов без какого бы то ни было вмешательства государственной власти. А. Романюк сомневается, что противоречие между инди-

видуальными и общественными интересами вообще и в демографической сфере - в частности¹⁰, можно разрешить с помощью механизмов свободного рынка. "Индивидуализм как необходимое условие рыночного равновесия, - подчеркивает он, - является в то же время условием, затрудняющим демографическое равновесие". Поэтому только определенные воздействия общества могут сократить разрыв между противоречивыми интересами. В этом и следует видеть главную цель демографической и семейной политики. Причем даже сильная политика укрепления и поддержки семьи, по мнению А. Романюка, не обещает "бума" рождаемости, и число детей в семье может оказаться существенно ниже необходимого.

Проблема сверхнизкой рождаемости действительно является проблемой и в социальном, и в интеллектуальном смысле, но она не признается в качестве таковой ни политиками, ни учеными, ни общественным мнением. Нет надежды на признание ее даже в странах, где началась и идет депопуляция. Нет пока уверенности в том, что проблемы кризиса института семьи и депопуляции найдут понимание и в России, среди "верхов" и "низов". Причины этого специально исследуются в теории институционального кризиса семьи и исторического ослабления потребности семьи в детях, в теории, которая непопулярна в среде ученых, поскольку противоречит личному опыту малодетной жизни и негативно оценивает современные формы ориентированной на развод и на однодетность семьи. К тому же нельзя не учитывать амбиции тех, кто начиная с 70-х гг. уверял, что рождаемость повысится и депопуляция нам не грозит¹¹. Последние годы спада рождаемости до сверхнизкого уровня обнаружили все сильнее ведущуюся не по правилам войну с научной школой кризиса семьи и отмирания социокультурной потребности в нескольких детях, — ее достижения замалчиваются либо извращаются.

Представители "прогрессистского развития" семьи не хотят признать вполне реальную возможность снижения суммарного коэффициента рождаемости (СКР) в 2010 г. до 1,0, поскольку в их парадигме не только не предусмотрено массовое распространение потребности населения в однодетной модели семьи, а напротив, ожидается появление новых стимулов к детоцентризму (А.Г. Вишневский), к повышению рождаемости. Этому способствует неподготовленность демографов к социологическому исследованию репродуктивного поведения семьи, к адекватному социологическому измерению поведенческих феноменов, к социологическому объяснению "статистики мнений" о числе детей. Пример с прогнозом ООН, предполагающим неизменность СКР= 1,27 на протяжении 30 лет, показывает, что социологический обскурантизм присущ не только отечественным ученым-демографам.

Когда дело доходит до социологического обоснования прогнозных оценок СКР¹², демографы, обычно весьма придирчивые к техническим процедурам, поступают проще простого: для верхнего варианта прогноза численности населения России на 2025 г. берется средний СКР = 1,77 (1,53-2,03), для среднего варианта - 1,47 (1,35-1,63) и для нижнего, как уже отмечалось, - 1,27. По среднему варианту численность страны опускается до 131,4 млн., по нижнему - до 126 млн. человек в 2025 г. Возникает вопрос о том, какими окажутся эти оценки, если внести социологические коррективы в умозрительные построения?

Социология семьи и рождаемости располагает результатами исследований по динамике репродуктивных ориентаций населения. Все зарубежные данные, начиная с 1936 г. - первых опросов населения США Институтом Гэллага об идеальном числе детей, - свидетельствуют об устойчивой тенденции уменьшения, причем, за 35-40 лет - на величину где-то в пределах 1,0. В нашей стране выборочные опросы мнений о желаемом, идеальном, ожидаемом числе детей стали проводиться с конца 60-х годов. Они также показывают картину непрерывного снижения показателей. Величина идеального числа, колебавшаяся тридцать лет назад вокруг 3,0 (а это относится также и к желаемому числу, которое стало широко измеряться в выборочных опросах лишь в конце 70-х гг.), теперь варьируется в пределах двухдетности.

Ожидаемое число детей, находившееся в 60-е годы в пределах 2,1, в городах было

1,8 (из крупных городов оно меньше всего было в Ленинграде - 1,55 в 1969 г., а в Москве при средней 1,69 не опускалось ниже 1,4 в слоях с самым высоким образованием и доходом). Тогда показатели крупных городов предсказывали будущую ситуацию в России: действительно, через 25 лет московский уровень стал общероссийским - по данным микропереписи 1994 г., среднее ожидаемое число детей у женщин составило 1,709 (стандартизированный показатель)¹³. Среднее желаемое число оказалось равным 1,880 (для сравнения: в исследовании "Москва-1978" - оно было 2,8)¹⁴.

В предстоящие десятилетия (если не произойдет небывалое и если не начнется специальная политика по подъему уровня потребности семьи в детях) следует ожидать сохранение наблюдающихся темпов ослабления потребности в детях и репродуктивных установок. Поэтому больше половины населения к 2025 г. будет испытывать потребность в *однодетной* модели семьи. К концу третьей декады XXI века произойдет, таким образом, отмирание потребности в двух детях как нормы поведения и сформируется массовая потребность в однодетности. Значит, СКР может опуститься значительно ниже прогнозируемого уровня желаемого числа детей 1,2—1,3, а также уровня ожидаемого числа детей 1,0-1,1 и составить примерно 0,8-0,9. Подобная величина СКР в 2025 г., как видим, намного ниже 1,27 - уровня надежд экспертов, игнорирующих достижения социологии. Соответственно, сокращение численности населения России в 2030-2035 гг. (даже при росте средней продолжительности жизни до 70-71 лет) может оказаться сокрушительным: на 40-50 млн. человек. Итак, Россия может стать 100-миллионной через 30 лет, и только резкий приток мигрантов в страну способен остановить убыль численности, но не депопуляцию коренного населения.

Единственно приемлемый с научной точки зрения путь исправления сложившейся демографической ситуации и одновременно путь преодоления кризиса семьи связан с изменением социальных условий. Только переход к мощной политике укрепления института семьи с детьми по всем направлениям и сферам жизнедеятельности способен остановить ослабление потребности в детях. Чтобы СКР оставался на прогнозируемом экспертами ООН уровне 1,27 (ожидаемое число детей соответственно - 1,47, желаемое - 1,67) до 2025 г., необходимы аргументированные доказательства желания российского правительства осуществлять просемейную политику. Следует добиваться к этому, что СКР 1,27 - вовсе не тот уровень рождаемости, который необходим нашей стране хотя бы для простого воспроизводства населения. Для этого требуется 2,1 детей на одну женщину - лишь в этом случае в долгосрочной перспективе исключается убыль численности.

К сожалению, в настоящее время демографические процессы пущены на самотек. Депопуляции и разваливанию института семьи дана возможность идти, видимо, до тех пор, пока негативные последствия не станут угрожать самосохранению властных структур. Политика "откладывания на потом" радикального преобразования нынешних отношений семьи и государства (в целях укрепления института семьи и повышения рождаемости) весьма четко выражает официальную позицию, которую иначе, как антисемейной, не назовешь. Проблема весьма сложна, тем не менее ее явное игнорирование¹⁵ заставляет предположить определенную заинтересованность в сохранении статус-кво, т.е. в депопуляции. По-видимому, наличие противоположных научных парадигм, предлагающих взаимно исключаящие концепции семейной политики, оказывается удобным поводом для оправдания официального бездействия, - дескать, пусть сначала ученые сами разберутся "что к чему", придут к общему мнению. Однако выбор между политикой малодетоцентризма, оправдания низкой рождаемости и политикой поощрения семьи с несколькими детьми должен быть сделан правительством, а не учеными.

Депопуляция может стать решающей для судьбы России в первой трети XXI века: при пространствах, охватывающих одиннадцать временных зон, ее сегодняшняя численность является рядовой. После Китая, Индии, США, Бразилии наша страна

попала в одну группу с Пакистаном и Японией. Две трети российской территории заселены так же, как и в эпоху неолита, - менее одного человека на квадратный километр. Другими словами, к востоку от Урала демографическая пустыня накладывается на географическую. Плотность населения России (12 чел. на кв. км.) в 3 раза меньше среднемировой и в 30 раз меньше, чем в Японии, Бельгии и других европейских странах. Обычная аргументация противников просемейной политики, мол, в Европе тоже низкая рождаемость, но там "не кричат" о вымирании и "не озабочены" стимулированием рождаемости, в наших условиях не проходит, так как убыль 50 млн. населения неизбежно явится фактором разрушения территориальной целостности государства¹⁶.

Депопуляция как исторически беспрецедентный (из-за преобладания социальных норм малодетности) феномен ставит множество вопросов, к ответу на которые не готовы ни ученые, ни политики, ни общественность. Вся история западных стран и России разворачивалась на фоне непрерывного роста населения. Удвоение населения Европы, происходившее через каждые 100 лет в XVII-XIX вв., никогда не расценивалось сквозь призму "угрозы перенаселенности". Существование рыночно-индустриального капитализма, немыслимое вне массового производства и массовых рынков сбыта, базируется на росте населения.

Переход к режиму постоянной убыли населения требует проработки по крайней мере вопросов о том, что будут адаптироваться все сферы жизнедеятельности к перестройке структуры населения, резкому изменению пропорций между детьми, трудоспособными и пожилыми людьми. Никто не готов сказать, какие социальные последствия будут сопровождать процессы закрытия дошкольных и школьных учреждений, сокращения детских товаров и услуг, перемещения рабочей силы в сферах воспитания и образования, изменения структур занятости. Самое ужасное, что исследование проблем депопуляции и краха института семьи будет тормозиться общественной атмосферой, теми настроениями, которые сопутствуют появлению и укреплению новых - антиэкзистенциальных - ценностей и приоритетов в обществе. Нынешний пересмотр "традиционных" опор образа жизни вообще и семейного в частности, наделение высоким престижем гомосексуальных, инцестуозных, суицидальных и т.д. линий человеческого поведения ставят под угрозу не только общечеловеческие основы цивилизации и культуры, но даже самосохранение человечества.

Современная экзистенциальная социология выяснила главное: социальные изменения, обусловленные человеческой активностью, ведут к историческому перевороту в системе жизненных ценностей, к ослаблению ценности семьи и детей (соответственно - к самоубийственной однодетности и депопуляции). Потенциал социокультурных норм многодетности, оставленный нам в наследство нашими предками, исчерпан, и теперь только специальное воздействие на стихию взаимодействия частных и общественных интересов способно возродить потребность в семье и в нескольких детях. На повестке дня - социальное управление ценностными ориентациями населения, преобразование экономики в интересах семьи с детьми.

Судьба отдельных наций и человечества в целом зависит от их способности вернуть понятию человеческого благополучия изъятые отсюда благо семейнодетного образа жизни. Безоглядное стремление к росту уровня жизни, потребительскому обогащению, повышению социального статуса в силу своей инструментальности исключает из представления о благополучии подлинные ценности человеческого бытия - семью с детьми. Прямо заявляя о своей приверженности интересам института семьи и экзистенциальному сохранению общества, представители теории кризиса семьи и просемейной политики пытаются пробудить общественное мнение, привлечь внимание общественных движений и политических партий, а также предостеречь правительство от новой угрозы, нависшей над национальной безопасностью страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Буше Маргарит. Все страны мира (1997) // Население и общество. Инф. бюлл. Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. 1997. № 20.

²Там же.

³Волков А.Г., Дарский Л.Е. Демографическое развитие семьи. // Демографическое развитие в СССР. М., 1985. С. 61. Спустя 10 лет, когда суммарный коэффициент рождаемости упал до 1,4, идея стабилизации у авторов сохраняется: "Есть аргументы и в пользу того, что резкое падение уровня рождаемости в последние годы - следствие не замены двухдетной модели семьи однодетной и не отказа от детей вообще, а лишь откладывания их рождения "до лучших времен". И далее: "если экономические реформы пойдут успешно, то можно ожидать, что преодоление трудностей переходного периода и повышение уровня жизни приведет и к повышению рождаемости, хотя уровень последней, очевидно, не будет высоким". - Волков Андрей. Семейная структура населения России: факторы и тенденции // Российский демографический журнал. 1996. № 1. С. 22. Любопытно, что теперь уже не указывается уровень повышения отложенной рождаемости (1,7-2,0), а осторожно говорится, что он "не будет высоким".

⁴Население и Общество. ЦДЭЧ. 1995. № 4. Табл. № 4.

⁵Население и Общество. 1997. № 20.

⁶Там же.

⁷ Новые направления в социологической теории. М., 1978. С. 105.

⁸ Hawthorn Geoffrey. The Sociology of Fertility. London, 1970.

⁹ См. в связи с этим: Борисов В.А. Перспективы рождаемости. М., 1976. С. 212-214, а также: Детность семьи: вчера, сегодня, завтра. М., 1986.

¹⁰ Следует напомнить, что некоторые отечественные демографы отрицают наличие такого противоречия. Например, А.Г. Волков объявляет потребность семьи в детях одновременно потребностью общества в них, и поэтому надо-де не побуждать семьи рожать больше, чем они хотят, а наоборот, следует "максимально содействовать удовлетворению социально обусловленной потребности семей в детях, ибо тем самым будут удовлетворены и потребности в них всего общества". - Волков А.Г. О необходимости воздействия на рождаемость // Рождаемость. М., 1976. С. 59.

¹¹ См., к примеру, Андреев Е.М., Волков А.Г. Демографические модели. М., 1977. С. 7. Вишневский А. Демографическая революция и будущее рождаемости и смертности в СССР // Наше будущее глазами демографа. М., 1979. С. 41. См. также о негативном отношении к "возможности управлять рождаемостью с помощью политики": Вишневский А.Г. Трудное возрождение демографии // Социологический журнал. 1996. №№ 1/2. С. 109.

¹² Следует отметить, что СКР - суммарный коэффициент рождаемости, как наиболее точный из демографических показателей рождаемости, выражает одним числом итог взаимодействия демографической структуры (половозрастной и брачно-семейной) и репродуктивного поведения. В среднем числе рождений на одну женщину также учитывается наличная потребность в детях вместе с оценкой возможности ее реализации. Социологический подход показывает, что нельзя статистические данные о желаемом и ожидаемом числе детей считать измерением самой потребности в детях, норм и установок детности. Потребность в детях (независимая ни от каких условий) измеряется с помощью специальных методик, таких как СД (семантический дифференциал), тогда как мнения показывают возможную в тех или иных условиях величину потребности: идеальное число - в идеальных для всех условиях жизни; желаемое число - в идеальных для своей семьи условиях; ожидаемое число - ожидаемое в ближайшее время число детей, исходя из конкретных условий семейной жизни. Только данные о динамике показателей мнений за одну-две-три декады могут трактоваться как косвенное свидетельство изменения потребности в детях. Рост или падение величин этих показателей за 2-3 года не есть изменение репродуктивных установок - это изменение определения людьми семейных и общих условий жизни. Фантастические перепады обсуждаемых показателей в 1992-1995 гг. (падение на 0,6-0,7 и подскок на 0,3-0,4) говорят об оценке "шоковой терапии" 1992 г. и о стабилизации восприятия условий жизни в 1995-1996 гг. (См. Бодрова В.В. Репродуктивное поведение населения России в 1991-1996 гг. // Вестник МГУ. Серия 18. Социология и политология. 1997. № 4. С. 132).

¹³ Борисов В.А. Желаемое число детей в российских семьях по данным микропереписи населения России 1994 года // Вестник МГУ. Серия 18. Социология и политология. 1997. № 2. С. 33.

¹⁴ Антонов А.И., Медков В.М. Второй ребенок. М., 1987. С. 74.

¹⁵ Например, в 1994 году - на третьем году шестивия депопуляции по стране - при обсуждении в Министерстве труда правительственного доклада о демографической ситуации в России (для Каирской конференции) большинством из текста было вычеркнуто слово "депопуляция", как не имеющее научной ценности. В связи с этим сегодня возникает вопрос, сколько же еще потребуется лет реального развертывания депопуляции, чтобы это неприятное для слуха многих слово попало, наконец, в правительственные отчеты и постановления?

¹⁶ Как видно из статьи А. Романюка, в развитых странах западной цивилизации обеспокоены угрозой межнациональных конфликтов по причине убыли коренного населения. Здесь явно озабочены притоком иммигрантов. В России - стране многонациональной - этническая дифференциация рождаемости в настоящее время незначительна (лишь 2,3% населения ориентированы больше чем на 2-х детей в семье - см. упомянутую выше статью В. Борисова). Но в этнических конфликтах различия в рождаемости тех или иных наций и народностей, как правило, гипертрофируются, представляются в искаженном виде.